

Тот не преступник, кто изображает
Поступки, что Природа нам внушает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Введение. Брошенная Жюстина

Подлинной философии следовало бы состоять в том, чтобы раскрывать все способы и средства, которыми располагает Провидение для достижения целей, возложенных им на человека, и вслед за тем намечать какие-то черты поведения для несчастного, идущего по тернистой дороге жизни, предостерегать его против всяких причудливых капризов того, что называют то Судьбой, то Роком, то Предопределением, то Случаем, хотя все эти определения столь же ошибочны, сколь и лишены здравого смысла и только затмевают рассудок.

Так, полные пустого, смешного, суеверного почтения к нашим абсурдным условностям, мы, добродетельные люди, встречаем только тернии там, где злодеи срывают розы. Порочные от рождения или ставшие таковыми разве не убеждают, что они правы, когда больше рассчитывают на уступку пороку, нежели на сопротивление ему? И нет ли известной правоты в их утверждениях, что добродетель, сколь бы прекрасной она ни была, слишком слаба, чтобы победить порок, что в этой борьбе она испытывает жесточайшие удары, и не лучше ли в наш развращенный век поступать так, как поступает большинство? Не правы ли те, кто, ссылаясь на ангела Жерада или Задина, утверждают, что всякое зло непременно служит добру и, следовательно, погружение в порок является лишь

одним из способов творить добрые дела? И не правы ли они, прибавляя к этим рассуждениям еще и то, что природе абсолютно безразличны наши моральные принципы и поэтому гораздо лучше быть преуспевающим злодеем, чем погибающим героем?

И вот — нимало не скрывая этого — только для того, чтобы подкрепить эти рассуждения, решаемся мы представить публике историю добродетельной Жюстины. Пора наконец дуракам перестать кадить этому смешному идолу добродетели, который расплачивался с ними до сих пор только неблагодарностью. Согласимся, что ужасно рисовать с одной стороны те сокрушительные несчастья, которые Небо обрушивало на существо прелестное и чувствительное, несомненно заслуживающее лучшей участи, а с другой — изображать тот поток благодеяний, который изливался на мучителей и истязателей нашей героини. Но писатель достаточно мудрый, чтобы провозглашать истину, пренебрегает этими трудностями и, будучи жестоким по необходимости, смелой рукой срывает все занавесы, которые пошлость набрасывает на фигуру добродетели, и показывает человеку, не ведавшему, как он обманут, все радости и сладости того, что глупцы и пошляки именуют развратом.

Таковы чувства, руководившие нами в этом труде, таковы мотивы, заставившие соединить с языком самым циничным самые дерзкие теории, самые грязные, самые безнравственные мысли. Мы хотели изобразить преступление таким, какое оно есть, — торжествующим, счастливым, упоенным собой. Мы хотели изобразить добродетель такой, какой мы встречаем ее в жизни, — всегда униженной, всегда страдающей, всегда стойкой и всегда несчастной.

Жюльетта и Жюстина, дочери весьма богатого парижского банкира, с самого раннего детства воспитывались в одном из прославленных монастырей Па-

рижа. Они не знали недостатка ни в добрых советах, ни во внимательных учителях — мораль, честь, религия и таланты, казалось, соревновались друг с другом, чтобы сформировать эти юные души.

И вот все это рухнуло в один момент. Жюльетте было пятнадцать, а Жюстине четырнадцать лет, когда ужасающее, непоправимое банкротство обрушилось на их отца. Он не выдержал такого удара и умер от нервной горячки; супруга пережила его всего несколькими днями. У двух сирот оставались только очень дальние родственники, совершенно равнодушные к судьбе детей. Им вручили их долю наследства — она составила около ста экю для каждой, — открыли двери монастыря и предоставили делать все, что заблагорассудится.

Старшая из сестер, прехорошенькая, легкомысленная шалунья Жюльетта, совершенно обезумела от радости покончить с монастырским прозябанием, ничуть не думая об обратной стороне выпавшей на ее долю участи. Более наивная, но и более красивая Жюстина, которой, как мы уже сказали, исполнилось четырнадцать лет, была одарена от природы характером меланхолическим, и будущее страшило ее. Старшая была изящна и остроумна, младшая обладала душой необычайно чувствительной и нежной до беззащитности. Вместо ловкости старшей у младшей было простодушие, обещавшее ей стать жертвой многих ловушек на ее пути.

Это юное создание напоминало собой прелестных девственниц Рафаэля. Большие карие глаза, полные огня и ума, нежная ослепительная кожа, черты лица, словно вылепленные самим богом любви, чудесный голос, восхитительный рот и самые великолепные на свете волосы — вот весьма приблизительный набросок, который может изобразить наше перо. Пусть наши читатели поверят нам, что трудно найти существо

более соблазнительное, более волнующее, чем четырнадцатилетняя Жюстина.

Обеим предстояло через сутки покинуть монастырь. Жюльетта попыталась осушить слезы, потоком льющиеся из глаз младшей сестры. Но вместо того чтобы утешать ее, она стала ее упрекать: обвинила ее в излишней чувствительности. Опираясь на весьма рациональную философскую базу, довольно неожиданную в таком возрасте, обличавшей в ней причудливые игры природы, она уверяла сестру, что в этом мире ни о чем не надо скорбеть, что во всяком случае можно отыскать в самой себе такие чисто физические возможности, которые доставят столько плотских радостей, столь сильное наслаждение, что все печали забудутся, и надо испытать чудесные способы на практике, чтобы в этом убедиться. Подлинная мудрость, говорила она, состоит в том, чтобы все более увеличивать количество наслаждений, что нет ничего запретного, что, словом, нужно задушить в себе эту проклятую стыдливость, приносящую нам только печали.

— Смотри, — сказала она, бросившись на кровать и задрав перед глазами изумленной сестры выше пояса свою юбку, — вот что я делаю, когда мне становится грустно. Я пускаю в ход свой палец, я получаю наслаждение, и это успокаивает меня.

Добродетельная Жюстина содрогнулась от этого зрелища и поспешила отвернуться, а Жюльетта, продолжая изо всех сил натирать свой чудесный маленький холмик, не умолкая, убеждала сестру:

— Ты дура, Жюстина. Ведь ты гораздо красивее меня, а никогда не будешь такой счастливой!

При этих словах юная развратница застонала, и ее свежий сок полился так же обильно, как лились бы ее слезы, если бы она не прибегла к столь спасительной процедуре.

— Что ты беспокоишься, дурочка, — продолжала сладострастница, вновь устраиваясь подле младшей сестры, — с нашей внешностью и в таком юном возрасте мы никогда не умрем с голоду.

По этому случаю она рассказала Жюстине о дочери одного из соседей, которая, убежав из дому, сделалась богатой содержанкой и чувствует себя гораздо лучше, чем если бы она осталась в лоне семьи. Жюстину эта история заставила задрожать от испуга. Она призналась, что предпочла бы смерть бесчестью, а те несколько новых предложений, которые не преминула сделать ей сестрица, окончательно укрепили ее в решении навсегда покинуть ту, чье поведение внушало ей такой ужас.

На следующий день сестры расстались, даже не пообещав друг другу встречаться, — слишком различны были их дальнейшие намерения. Могла ли Жюльетта, которой предстояло стать гранд-дамой, согласиться принимать у себя столь добродетельную девицу, являющуюся для нее вечным укором? А как могла Жюстина рискнуть встретиться с той, которая посвятила себя беспутству и выставляемому на всеобщее обозрение разврату?

Теперь, с позволения читателя, мы покинем на продолжительное время юную потаскушку, чтобы представить глазам публики все те истории, которые приключились с нашей добродетельной героиней в ее странствованиях по морю житейскому.

Жюстина в детстве была весьма обласкана постоянной портнихой своей матери и не без оснований надеялась на помощь этой женщины. Она отыскала ее, рассказала о своем несчастье, просила у нее какой-нибудь работы... Ее едва узнали, она решительно была отвергнута.

— О Небо! — воскликнуло несчастное дитя. — Возможно ли, чтобы первые же шаги в жизни были столь

неудачны!.. Эта женщина так сильно любила меня в детстве, почему же сейчас она отвергла меня? Неужели потому, что теперь я бедная сирота, что мне не на что поддерживать свое существование, а здесь ценят только тех, от кого надеются хоть что-нибудь получить.

Вся в слезах, направилась Жюстина к своему священнику. Она изобразила ему свое отчаяние со всей энергией и пылом юного возраста, и в этом отчаянии она была прелестна: легкое белое платье, роскошные волосы, живописно сбегавшие по плечам, прикрытым воздушной мадрасской косынкой. Опытный взгляд развратника мог без труда различить под газовой накидкой уже вполне развившуюся грудь. Лицо ее, чуть побледневшее вследствие печали, мучившей ее, слезинки, дрожавшие на ее ресницах, — невозможно было быть прелестней...

— Вы видите меня, сударь, — обратилась Жюстина к святому отцу, — да, вы видите меня в самом при-
скорбном положении: я потеряла обоих родителей; Небо отняло у меня их в том возрасте, когда мне более всего необходима их помощь, а умерли они совершенно разоренными. Вот все, что они оставили мне, — добавила она, показывая двенадцать луидоров. — У меня нет даже угла, где я могла бы приклонить свою голову. Вы ведь сжалитесь надо мной, сударь, не правда ли? Вы — служитель Церкви, а Церковь — прибежище и приют всех добродетелей. Во имя Бога, которому она служит и которого я обожаю всеми фибрами своей души, во имя Высшего Существа, чьим органом вы являетесь, скажите мне, мой второй отец, что мне делать и как мне выбиться в люди?

Внимательно разглядывая Жюстину, милостивый священник отвечал, что приход его очень перегружен, что дела идут слишком плохо, чтобы помочь Жюсти-

не, но если она хочет служить и не чурается черной работы, то для нее всегда найдется на кухне кусок хлеба. Говоря все это, он осторожно поглаживал складку юбки Жюстины и так прикасался к ее ягодицам, что она, угадав его намерения, резко отодвинулась и воскликнула:

— Сударь, мне не надо ни милости, ни места служанки. Я пришла к вам за другой помощью, пришла за советами, в которых так нуждаюсь теперь, а вы хотите взять с меня за это слишком дорогую плату!

Служитель Христа, взбешенный тем, что его намерения разгаданы и отвергнуты, вскочил с места и громким голосом позвал свою племянницу и ее служанку.

— Вышвырните вон немедленно эту маленькую негодницу! — закричал он. — Вы не представляете, что она осмелилась мне только что предлагать. Столько порока в таком возрасте!.. И кому, мне, человеку... Пусть она убирается отсюда, пусть убирается, а не то я велю ее арестовать!

И несчастная Жюстина, отвергнутая, оклеветанная, обливаясь слезами, покинула дом презренного аббата. Побродив по улицам, она увидела дверь, на которой висело объявление, что на пятом этаже сдается небольшая комната. Она вошла в дом, заплатила аванс и, оставшись одна, залилась горячими слезами, и не только потому, что была чрезвычайно чувствительна, но и потому, что ее гордость в первый же день ее самостоятельной жизни была так жестоко оскорблена.

Но беды Жюстины не были исчерпаны этими огорчениями. В мире есть множество злодеев, которых не только не трогают страдания скромных девушек, а, напротив, лишь побуждают использовать в своих грязных целях их беды. Из всех разочарований, выпавших на долю Жюстины в самом начале ее печальной

истории, мы расскажем только о ее встрече с Дюбуром, самым богатым, но и самым жестоким из парижских откупщиков.

Квартирная хозяйка Жюстины направила бедную сироту к господину Дюбур: такой богатый и благородный человек не может не помочь красивой девочке, оказавшейся в тяжелейшем положении. После долгого ожидания в прихожей Жюстину наконец ввели в кабинет. Господин Дюбур, маленький толстяк, бесцеремонный, как все финансисты, только что встал с постели, его то и дело распахивающийся халат прикрывал дезабилье — господин Дюбур ждал куафера.

— С чем вы ко мне пришли, дитя мое? — осведомился Дюбур.

— Сударь, — отвечала, скромно потупившись, наша простушка, — я бедная сирота, мне едва исполнилось четырнадцать лет, но я уже успела узнать всевозможные бедствия. Я взываю к вашему состраданию, заклинаю вас — пожалейте меня!

И, не переставая плакать, Жюстина стала подробно рассказывать явно заинтересовавшемуся ею старому злодею о всех своих неудачах при поисках места, не умолчав и о том омерзении, которое внушали ей некоторые предложения. Она закончила дрожащим голосом, что надеется, что такой богатый и щедрый человек, как господин Дюбур, несомненно поможет найти ей средства к существованию.

Рассказ девочки привел Дюбура в возбуждение. Он раскраснелся, начал одной рукой раскачивать под полами халата свой вяло висевший член, другая же рука держала лорнет, направленный на прелести Жюстины.

Дюбур этот был закоренелый распутник, большой любитель юных девиц, щедро вознаграждавший женщин, поставляющих к его столу подобную дичь. С ни-

ми Дюбур осуществлял свои фантазии, которые были столь же жестоки, сколь и своеобразны: его единственной страстью было видеть доставшихся ему девочек в слезах. Надо признаться, добиваться этого он умел, как никто на свете... У презренного плута имелось в запасе столько злодейских выходов, столько ядовитых поддразниваний, что бедным девчонкам трудно было удержаться от слез, и обрадованный Дюбур тут же добавлял к мучениям моральным плотские — слезы лились еще пуще, и варвар наслаждался в полной мере, покрывая поцелуями заплаканное личико жертвы.

— Будете ли вы теперь благоразумны, чтобы добиться успеха? — строго спросил он Жюстину.

— Ах, сударь, — отвечала она, — если б я не была благоразумна, разве оказалась бы я теперь в таком положении? Нет, я бы не была уже ни бедной, ни отверженной.

— А чего же вы хотите от богатых людей, если вы сами ничем не собираетесь послужить им? — последовал новый вопрос.

— О сударь, мне ничего не надо, кроме того, чтобы получить службу, приличествующую моему возрасту и благопристойности!

— Да я вовсе и не говорю о службе! С вашей внешностью и в вашем возрасте к чему служить! Я говорю о том, что вы должны радовать мужчин. Какая польза от вашей хваленой добродетели? Ладан, который вы тщетно воскуряете перед этим алтарем, вас не накормит. То, что меньше всего ценится людьми в вашем поле, то, что они больше всего презирают, это как раз и есть так называемое благонравие. Ныне, дитя мое, ценится лишь то, что приносит или доход, или наслаждение, а какой доход, какая радость от женской добродетели? Как раз отсутствие добродетели радует нас и привлекает. Люди моего сорта дают лишь для

того, чтобы что-то получить за это. А чем такая молоденькая девица, как вы, впрочем довольно некрасивая и к тому же глупая, может отплатить за все, что для нее сделают? Только тем, что полностью отдаст свое тело. Ну так подберите повыше ваше платье, если хотите получить от меня деньги.

Рука Дюбура потянулась к ляжкам Жюстины, намереваясь поудобнее устроиться между ними. Прелестное создание поспешно отшатнулось и воскликнуло со слезами:

— О сударь! Неужто и впрямь нет больше на свете порядочных и добрых мужчин?

— Бог весть, — живо откликнулся Дюбур, который при виде слез Жюстины ускорил темп движения руки, мастурбирующей под халатом. — Очень мало, если говорить правду. Теперь забывается манера помогать другим даром, теперь поняли, что радости благотворительности — это всего лишь сладострастие гордыни. Теперь хотят радостей более ощутимых, более материальных. Самое главное теперь — пользоваться плодами наслаждения.

— Боже мой! Значит, несчастные обречены на гибель?

— Эка важность! На свете и так много лишних ртов.

— Но как же должны будут дети относиться к своим родителям, если те станут рассуждать, подобно вам? Может быть, слабых или больных лучше душить прямо в колыбели?

— А почему бы и нет? Этот обычай, кстати говоря, распространен во многих странах. Так было у древних греков, так происходит сейчас у китайцев. А для чего, к примеру, оставлять жить существо, подобное вам, которое не может надеяться на помощь своих родителей или потому, что лишилось их, или вообще

никогда их не знало? Бастарды, сироты, уроды должны приговариваться к смерти сразу же после рождения; первые и вторые потому, что нет никого, кто бы мог о них позаботиться, и значит эту заботу должно взваливать на себя общество, а последние потому, что ни на что не годятся. Общество должно поступать с ними, как садовник поступает с засохшими, не приносящими плодов растениями...

И здесь Дюбур распахнул полы халата, скрывавшие до сих пор его манипуляции, и продемонстрировал Жюстине то, чего ему удалось добиться от своего сморщенного аппарата, которым он так долго занимался в течение всего предыдущего разговора.

— Ладно, — проговорил Дюбур, — хватит болтать о том, чего ты не понимаешь, и перестань жаловаться на судьбу: от тебя одной зависит поправить ее в свою пользу.

— Но какой ценой, Боже праведный?!

— Ничтожной... Всего-то нужно, чтобы ты подняла юбки, мне необходимо увидеть, что ты скрываешь под ними. Думаю, что ничего хорошего там нет, так что тебе не стоит так долго упрямиться. Давай-ка, черт возьми, решайся, у меня уже стоит... Мне надо увидеть тела... Немедленно, а то я рассержусь.

— Но, сударь...

— Перестань болтать, тварь бессмысленная, безмозглая шлюха, или ты думаешь, что с тобой я буду добрее, чем с другими?!

С этими словами разбушевавшийся распутник накинулся на Жюстину. Слезы потоком лились по ее лицу, и он слизывал эти драгоценные капли, словно росу с листьев розы или лилии. Затем, одной рукой задрав платье Жюстины, он пустил свою вторую руку в первый раз попутешествовать по тем ее прелестям, над которыми так старательно потрудились природа.

— Презренный человек! — воскликнула Жюстина. — Пусть Небо воздаст тебе однажды по заслугам за твою отвратительную черствость. Ты не достоин ни того богатства, которому ты нашел такое мерзкое употребление, ни даже воздуха, который ты оскверняешь своим дыханием. — И, собрав все свои силы, она вырвалась из рук Дюбура.

Вернувшись к себе, бедняжка не нашла ничего лучшего, как пожаловаться своей хозяйке на тот прием, который ей оказали в доме, рекомендованном с лучшей стороны этой почтенной дамой. Но каково же было ее удивление, когда вместо слов утешения она услышала жесточайшие упреки.

— Идиотка несчастная, — возмутилась хозяйка, — уж не думала ли ты, что мужчины будут творить тебе милостыню, ничего не требуя взамен? Господин Дюбур поступил как надо. Черт меня побери, но я бы на его месте ни за что бы тебя так не отпустила. Ну что ж, раз ты не хочешь по-хорошему, пусть будет по-плохому. Ты мне немедленно заплатишь деньги или завтра же познакомишься с тюремной похлебкой. За тобой должок. Или ты платишь сегодня же, или завтра — тюрьма.

— Где же ваше милосердие, мадам?

— О да, милосердие! С твоим милосердием живехонько околеешь с голоду. Бог ты мой — почти пять сотен девиц доставила я этому доброму господину, и ты первая, которая сыграла со мной такую шутку! Что он теперь обо мне подумает! Какой позор! Он скажет, что я не знаю своего ремесла, он сообщит об этом другим. Нет, милочка, собирайся, надо вернуться к господину Дюбуру, надо его удовлетворить и принести мне деньги. Я встречусь с ним, я его предупрежу, я исправлю твою дурость, а ты уж постарайся впредь вести себя как следует. Собирайся, я скоро вернусь.

Оставшись одна, Жюстина погрузилась в горчайшие размышления. «Нет, — глотая рыдания, сказала она себе решительно, — я не вернусь к этому распутнику. У меня хватит денег продержаться еще некоторое время. А там, может быть, я найду души не столь закоснелые в разврате, сердца менее черствые».

Она двинулась к комоду, чтобы пересчитать свои средства, открыла ящик... О Небо! Ее обокрали! Теперь у нее осталось лишь несколько монеток, лежавших в ее карманах, всего шесть ливров.

— Я пропала! — воскликнула несчастная. — Но я догадываюсь, кто нанес мне этот удар. Вот так, лишив меня всяких средств к существованию, недостойная женщина хочет заставить меня кинуться в пропасть греха... Но... — продолжала Жюстина. — Увы! А как же иначе я смогу теперь жить? В таком ужасном положении неужели лишь этот злодей или подобные ему только и могут помочь?

В отчаянии Жюстина спустилась к своей хозяйке.

— Мадам, — обратилась она к ней, — меня обокрали. И где? У вас, в вашем доме, где я доверчиво оставила свои деньги. Увы, больше у меня ничего нет; это было все, что оставалось у меня от покойного батюшки, и мне придется теперь только умереть. Верните мне деньги, мадам, я вас заклинаю!

— Нахалка! — не дала ей закончить хозяйка. — Да знаешь ли ты, что в моем доме ничего такого случиться не может! Сейчас же скажи, кого ты смеешь подозревать, а то сама сию же минуту окажешься в полиции. Меня там знают и уважают мой дом.

— Я никого не подозреваю, мадам. Я к вам пришла не с подозрениями, а с жалобами, с просьбами. В моем положении это понятно и простительно. Что же мне делать теперь, когда пропала моя единственная надежда?

— С тобой будет то, что будет, меня это не касается. Способ поправить твоё положение есть, но ты, видишь ли, от него отказываешься!

Эти слова погасили луч надежды в сердце Жюстины.

— Но, мадам, — отвечала плачем несчастная девочка, — я хочу честно зарабатывать свой хлеб. Разве я не могу пойти в служанки к кому-нибудь? Неужели, только преступив законы божеские и человеческие, можно добыть себе пропитание?

— Ну разумеется! Такова теперешняя жизнь. Да и что ты заработаешь служанкой? Десяток экю в год; как ты сможешь прожить на это? Поверь мне, милочка, что служанки все равно подрабатывают распутством, иначе они бы протянули ноги. Я-то знаю, немало их обращается ко мне. Посмотри на меня; не хвалясь, скажу — я самая лучшая сводня во всем Париже. Каждый день не меньше двух десятков девиц прибегает к моим услугам. Это мне приносит... Да ладно. Словом, я уверена, что во всей Франции нет женщины, которая так хорошо знала бы это дело. Взгляни, — продолжала она, выложив перед Жюстиной пригоршню монет, — тут хватит и на драгоценности, и на роскошное белье, и на платье, и все это ты можешь заработать очень легко. А ты нос воротишь... Черт побери, доченька, ведь это единственное стоящее ремесло для нашей сестры. Решайся! Поверь мне, тут нет ничего страшного... Тем более этот славный человек ничуть тебе не опасен. У него давно уже не стоит, как же он может е...? Ну ударит несколько раз по попке, даст пару-другую пощечин — вот и все его радости. А если ты будешь вести себя хорошо и он останется тобой доволен, я познакомлю тебя с другими богатыми старичками, и не пройдет и двух лет, как ты со своей фи-

гурой и личиком сколотишь такое состояние, что будешь разъезжать по Парижу в карете.

— У меня не столь изысканные вкусы, — отвечала Жюстина. — Такая судьба не для меня, особенно если платить за это надо ценой спасения души. А я ведь хочу только одного: чтобы мне помогли как-нибудь не умереть с голоду. И тот, кто мне в этом поможет, пусть рассчитывает на любую мою благодарность. Прошу вас, мадам, удостойте меня вашим благоволением: пока я не нашла место, одолжите мне всего один луидор; я вам верну долг, поверьте мне, как только получу свой первый заработок.

— И двух су от меня не получишь, — проговорила мадам Дерош, весьма довольная зрелищем безнадёжного положения Жюстины. — Двух су не получишь от меня задарма, а я предлагаю тебе гораздо большую сумму. Выбирай — или то, что я тебе предлагаю, или приют для потаскушек. Кстати, господин Дюбур — один из покровителей этого заведения, он очень легко может тебя туда определить. Здравствуй, душенька, — продолжала мадам Дерош, обращаясь к вошедшей в эту минуту высокой хорошенькой девице, явно пришедшей узнать о работе. — А тебе — до свидания, голубушка, и помни: завтра или деньги, или тюрьма.

— Ну что ж, мадам, — вздохнула Жюстина, — предупредите господина Дюбура. Раз вы ручаетесь, что он меня не обесчестит, я к нему приду. Приду. Мое положение не дает мне другого выхода, но знайте, мадам, что я никогда не перестану презирать вас за ваш поступок.

— Вот несносная девка, — проговорила Дерош, выпроводив Жюстину и закрыв за ней дверь. — Ты заслуживаешь того, чтобы я тебя бросила окончательно, но я делаю это не для тебя, я думаю о другом. А на твои чувства мне наплевать...

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЮСТИНА, ИЛИ НЕСЧАСТЬЯ ДОБРОДЕТЕЛИ <i>Перевод Е. Храмова</i>	5
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛЮБВИ, ИЛИ БЕЗУМСТВА СТРАСТЕЙ <i>Перевод Е. Морозовой</i>	223
Эрнестина. Шведская повесть	225
Флорвиль и Курваль, или Неотвратимость судьбы	303
Лауренция и Антонио. Итальянская повесть	364
Эжени де Франваль. Трагическая повесть	420